ФОРУМ

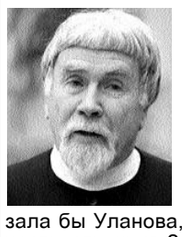
ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Единственная

О книге Ольги Ковалик "Галина Уланова"

Валентин КУРБАТОВ

Ольга Ковалик заканчивает свою ЖЗЛ-овскую книгу о Галине Сергеевне Улановой внешне странными словами: "Что сказала бы Уланова, доведись ей прочесть эту книгу? Возможно, "Помните обо мне, но забудьте мою судьбу".

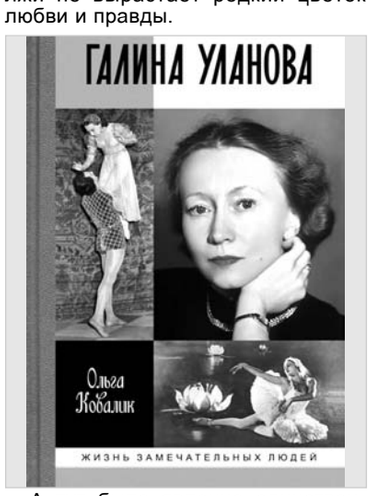


Где она, эта таинственная граница между *помнить* и *забыть*. Помнить Жизель и Джульетту, Марию из "Бахчисарайского фонтана" и Одетту-Одиллию и забыть аккуратную слушательницу курса марксистко-ленинской эстетики, "ворошиловского стрелка", четырежды лауреата Сталинской премии, которую Сталин приглашает посмотреть вместе "Волгу-Волгу", а она помнит только смятение оттого, что она рядом с вождём.

Николай Бенуа не зря звал её "Рафаэлем с душой Микеланджело". Там были нежность и мятеж, светлые влюблённости и страшные разрывы, "любовь втроём" и нестерпимые письма, которые не вправе читать чужой человек. Там сплетни и интриги (театр же!), там живое и больное время, и для одних балет – это "подвыпившие терпсихоры и мельпомены, эвтерпы и полигимнии на коленях партийных бонз в залах Третьяковки", а для других дружества с Эйзенштейном, Пастернаком, Алексеем Толстым, Образцовым и Соллертинским. Там попытки двадцатых-тридцатых годов на балетной сцене слепить "статую красноармейца из взбитых сливок" и станцевать партийные постановления, там "рожки да ножки классической хореографии" и спектакли "не с ноги", "в пол-ноги", но там и "кисть ноги", и "воспитанная ступня", и улановский девиз "Жить как все, работать лучше всех", и её несколько неуклюжая, но ответственная формула: "Балет – большая профессия, а не так себе просто". И, что подлинно большая, терпеливо и последовательно подтверждается всей книгой и этой самой "судьбой, которую хорошо бы забыть".

Уланова (и это порой, кажется, смущает и мучает автора книги) – дитя большевистского и советского мира, который сегодня выкрашен одною чёрной краской гулагов, уничтожения священства, раскулачивания и расказачивания, преследования лучших художников, безумия цензуры и общей лжи.

Но пройдёт по России в День Победы "бессмертный полк" простых и прекрасных лиц, которые загородили мир от общей смерти, и что-то в нашем сознании не сойдётся с историософией "демократической тирании". Но выйдет на сцену Большого Галина Уланова и зоркий человек по тому, как она танцует сегодня "Жизель", увидит, что балерина уже знает о самоубийстве жены Сталина Алилуевой и это придаст танцу единственность и человеческую глубину. Из всеобщей лжи не вырастает редкий цветок любви и правды.



А тут было явление единственное и вся книга – попытка назвать эту единственность. Автору книги выпало счастье беседовать с Улановой и это обостряет наше зрение и умножает доверие. Кроме того, Ковалик умно и точно включает в книгу десятки страниц размышлений, статей, воспоминаний самой Галины Сергеевны. Этот двойной взгляд – снаружи и изнутри – создаёт дорогое впечатление полноты и стереоскопичности зрения, словно мы сезон за сезоном в остро меняющемся времени видим каждый спектакль одновременно со сцены и из зала. И это хоть немного приближает нас к пониманию тайны великого дара балерины, заставлявший Александра Вертинского с печалью сетовать, что даже кинематограф не сможет "передать это Евангелие грядущим векам" (а певец и поэт знал значение слова "Евангелие" и понимал, что говорит).

И тут оправдаешь и горькие, и трудные страницы о неудачных браках, об ужасе любви и бездетности, потому что увидишь, что всё неисчерпаемое многообразие оттенков каждой роли актрисы давалось не одной техникой и высокой школой, но и живой болью единичной жизни. И такой Джульетты и Марии уже не будет не оттого, что Семёнова или Дудинская хуже или менее техничны, а потому, что за ними нет улановского детского озера Щир, нет стеснительности и замкнутости юности, нет разбитого сердца, одиночества, тяжести жизни эвакуации, опытов потерь и поражений. И лучше поймёшь смятенную нехватку слов и волнение тех, кто видел её спектакли и говорил, что и иронический Гейне плакал бы слезами счастья, и Станиславский не уставал восклицать "Верю!". И я, грешный, нет-нет останавливался при чтении на минуту, чтобы вздохнуть свободнее, и понимал автора книги, когда она пишет, что "в пору культурной безучастности и нигилистического хладнокровия" мы уже не способны понять настоящее величие и вот, оказывается, можем даже ошикать Уланову, получавшую в 1995-м году "Золотую маску", так, что она, не договорив, уйдёт со сцены…

Все мы сегодня, вчерашние советские люди, как она, оказываемся явлением "из ряда вон уходящим" и хотим, как она, "уйти из жизни на ногах, уйти достойно и чтобы всё было чисто". Она ушла именно так.

Крещёная в Покровской церкви в питерской Коломне в день блаженной Ксении Петербургской, четырежды лауреат Сталинской премии, дважды Герой социалистичес- кого труда, танцевавшая перед вождями, королями и президентами, советская и русская, она одна может быть оправданием нашей трудной истории перед Богом и миром.

Когда перевезли в Россию прах Шаляпина в 1984-м году, её смутило, что его отпели "под пластинку". Но если тогда ещё было четыре года до тысячелетия Крещения Руси и что-то можно было понять, но то, что её, уже в 1998 году, отпевали тоже под фонограмму, понять было труднее. Ну, значит, мы ещё не вовсе дома, а только по дороге домой. И спасибо любящей и драматической книге Ольги Ковалик – мы будем помнить Галину Сергеевну, но не забудем и её судьбу.

Защитник всего живого

Об академике Игоре Васильевиче Петрянове-Соколове

Летом 1907 года, за десять лет до Октябрьской революции, в Нижегородской губернии в крестьянской семье родился великий русский физико-химик Игорь Васильевич Петрянов. Так как в деревне Большая Якшень почти все были Петряновы, то для отличия добавляли себе ещё какую-нибудь кличку, вот и Игорь Васильевич стал не просто Петрянов, а Петрянов-Соколов, потому что его отцу нравилась соколиная охота. В будущем году весь учёный мир будет отмечать его стодесятилетие. И есть за что. Проработав почти всю жизнь в секретных закрытых лабораториях, сам он занимался исключительно проблемами защиты всего живого, сначала противохимической защитой, затем защитой от бактериологического оружия. В 1943 году за создание и разработку новых средств защиты от специальных аэрозолей был награжден первым орденом Ленина.

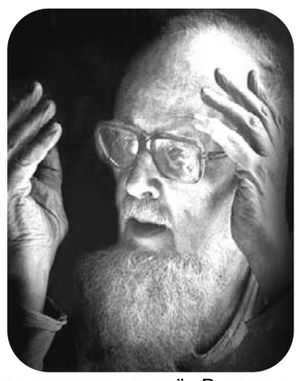
В те же военные годы он переключается уже на исследование радиоактивных аэрозолей, на поиски средств защиты от радиации. Вспомним знаменитый фильм времен оттепели, в котором один физик спрашивает другого: "Ты бомбу делал?". Трудно отделить тех, кто делал саму бомбу для защиты от врагов, от тех, кто искал средства защиты от неё, – академика Курчатова от академика Тимофеева-Ресовского, академика Сахарова от академика Петрянова-Соколова. Все они защищали свою Родину. Как писал сам Петрянов: "Я ведь аэрозольщик, и главное внимание надо было уделять радиоактивным аэрозолям. В какую только грязь ни приходилось лезть. Однако держусь". Он и становится ещё в тридцатые годы заведующим лаборатории аэрозолей, занимается исследованием аэродисперсных систем, и в результате изучения этих отравляющих веществ Петрянов создает лучший в мире противогаз.

Затем вместе со своими коллегами создает эффективную систему защиты от радиоактивной опасности: уникальные, действующие и сегодня фильтры, знаменитый "Лепесток Петрянова", защищающий от радиоактивных аэрозолей.

Этими респираторами защищались и ликвидаторы последствий Чернобыльской аварии 1986 года.

В его защиту всего живого входила и русская национальная культура, активно разрушаемая иными чиновниками. Именно Петрянов-Соколов был одним из создателей в 1965 году ВООПИиКа, Общества по охране памятников истории и культуры. По сути, с этого Общества и началось возрождение у нас в Советском Союзе исторической России. 24 июля 1965 года вышло официальное постановление Совмина о создании этого Общества. В числе его задач – забота о памятниках и святынях Отечества, чтение лекций по русской культуре и искусству. К популяризации русской мысли, русской традиции привлекаются лучшие отечественные силы. В лекциях начинают упоминаться выдающиеся исторические фигуры, мыслители: Данилевский, Катков, Розанов, Леонтьев, Победоносцев, Иоанн Кронштадтский и Серафим Саровский...

К юбилею общества в прошлом 2015 году я в "Литературной газете" опубликовал статью "Русская партия Советского Союза", где напомнил и о важнейшей роли в защите русских памятников академика Петрянова-Соколова. Статья была посвящена русскому патриотическому движению, но там вскользь упоминалась и основная работа академика Петрянова. К сожалению, перечисляя его достижения в нашей науке и культуре, я допустил оплошность, случайно объединив тех, "кто делал бомбу", с теми, кто искал средства защиты от неё. В статье было написано: "Духовными зачинателями, организаторами легального русского национального движения были замечательные учёные, художники, писатели, музыканты – Б.Рыбаков, П.Корин, И.Глазунов, Г.Свиридов, Л.Леонов, В.Солоухин, П.Барановский. Председателем был избран академик И.Петрянов-Соколов, химик, всю жизнь занимавшийся созданием боевых отравляющих веществ…". Всего-то и надо было мне добавить "химик, всю жизнь занимавшийся созданием средств защиты от боевых отравляющих веществ…".



И не только их, он создавал средства защиты от всех систем химического, бактериологического и радиационного оружия. На эту оплошность мне указала вдова академика, сама доктор наук, известный вирусолог и генетик Галина Дмитриевна Засухина. Постараюсь исправиться.

Петрянов и на самом деле был защитником всего живого на земле, от памятников старины до окружающей нас природы, от чистого воздуха до высокой нравственности. И руководя лабораторией аэрозолей, то есть этих самых отравляющих веществ, он сам всю жизнь занимался защитой от этих аэрозолей. Он изучал искусственные аэрозольные облака, а затем использовал это знание для улавливания аэрозолей в изобретенных им противогазах.

Когда-то сельский секретарь партячейки благословил его на учёбу в МГУ, написав корявым почерком на листе бумаги: "Учись и помни: деревня посылает, не подведи". Вот он и не подвел, ещё студентом уже печатал свои научные статьи в журналах. После университета поступил работать в физико-химический институт имени Карпова, где и проработал всю жизнь. Там и академиком стал, и три ордена Ленина получил, две Ленинские премии заслужил, и в завершении стал Героем Социалистического труда. Его фильтры "Лепесток Петрянова" и сегодня выпускаются у нас десятками миллионов штук.

Он защищал миллионы людей от вредных производств, защищал Байкал, Ясную Поляну, северные реки, но он же защищал в Москве известный Дом Даля, Казанский собор, мои родные Кижи, русскую национальную культуру, без которой нет и не будет никакой России, спасал от чиновников фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре. И, надо сказать, многое ему удавалось. Военные министры поддерживали его культурные проекты, научная общественность помогала ему пробивать новейшие средства химической защиты.

Ему явно помогала и сама судьба, какой-то небесный знак защиты прикрывал его. Да и он сам был всему защитником: северным рекам, старинным книгам, бесценным фрескам и прежде всего защитником самого человека – от атомного оружия, от отравляющих веществ, от бездушного чиновничества. Его вдова Галина Дмитриевна Засухина вспоминает, что "в отличие от большинства учёных – творцов ядерного века, он никогда не принимал участия в создании каких-либо видов оружия. Он всегда работал только для защиты людей и от атомной энергии, и от вредных химических веществ, и от аллергенов, и от вирусов. Он защищал и исторические памятники, спасал разрушающиеся церкви и фрески, книги и книгохранилища…".

На мой взгляд, академик Петрянов – один из главных защитников России в нашем трагическом XX веке. Думаю, миллионы людей, спасенных фильтрами Петрянова, "лепестками Петрянова", должны теперь подать свой голос за установку памятника Игорю Васильевичу Петрянову-Соколову в Москве, у института Карпова, как спасителю всего живого, в том числе и памятников истории и культуры старой Москвы.

Владимир БОНДАРЕНКО

И потому покойники постоянно приходят к живым, напоминая о нерасторжимости двух миров. Мечтания о том свете (как и тот свет) не раскрыты и никогда не поддадутся коварному деятельному уму, но всегда против нашей воли будут внушать о грядущей бесконечной жизни и о "восстанном" дне, когда праведники станут, в отличие от грешников, праздновать воскрешение. И напрасно атеисты этот свод напряженных мыслей называют суеверием и мракобесием. Это нечто особое, живущее рядом, в зазеркалье, и не поддающееся нашему любопытству, как бы мы ни напрягали ума. Тут ни знания не помогут, ни церковь. Ведь никто не видел Бога, но и никто не может сказать, что Его нет. "Что-то такое подвидится", – так говорит простец-человек, не зная мудреного философского языка.

А.Ш.: *Разве мало вам, дорогой Владимир Владимирович, быть просто писателем? Просто красивые слова складывать в просто сюжеты?*

В.Л.: По характеру и судьба. "Каким рожен, таким и заморожен" – говорят в народе. Есть люди, которым до всего есть дело. И я, наверное, из таких. Ещё говорят: "Горбатого к стенке не приставишь". У писателя "горб" – это внутренняя душевная маята и духовная работа. Он не может жить спокойно, лежать замшелым валуном при дороге. Проливается из его сердца родник-студенец и хочется напоить всех страждущих. Даже церковь не смогла перенять на себя учительских свойств русского литератора. И оттого нынешнее "антисистемное" государство, презирающее крестьянина, сторонится русской глубины и русской истории, чуждается писателя, боится его религиозной мысли, загоняя в резервацию и подменяя совесть буржуазными "химерами", чурается его учительства, укорливости, сострадания и жалости, сурового суда, от которого не скрыться фарисеям за баррикадами уложений и законов, в сердцевине которых, увы, всегда таится призатаенная неправда, оправдываемая необходимостью порядка и спасения. Философ и писатель Юрий Петухов, загнанный судебными ханжами на Ваганьково, перед смертью писал: "Когда Иван Сусанин завёл отряд поляков в болото – это был подвиг христианина. Новоявленные местечковые "сусанины" заводят в болото целые поколения русских. Мол, утопим их в трясине и дело с концом – нет народа, нет вопроса. Истекая злобой и ненавистью, Запад выдернул нас из светлого будущего к себе, в смрадную пещеру архантропического звериного прошлого… Нам надо освободиться от Зверя из Бездны, от клана дегенератов, от людоедского Запада".

Путин за годы власти нарисовал на политическом небосклоне сложный авангардистский автопортрет: то он на истребителе, то на подводной лодке, то с гигантской сибирской щукой, то провожает журавлей-стерхов на утерянную родину, то укладывает японскую девочку на борцовском татами, то вступает в члены немецкого рыцарского ордена, то вместе с молчаливым писателем Распутиным погружается в пучину Байкала; Путин с тиграми и леопардами, за столом с олигархами, за шампанским с русскоязычными либеральными литераторами, которые нынче дружно предали президента, то награждает шутов и шоуменов, которые нынче из-за бугра проклинают главу государства и сулят погибели; он же признаётся в любви к России, не скрывая слёз перед стотысячной толпою; он на лыжах в горах, а вскоре из морских глубин добывает древние амфоры, обсаженные ракушками; он обсуждает низкие пороки власти на вече "национального фронта", а на другой день уверяет с телеэкрана воркующим голосом, что правительство работает замечательно и нет нужды менять его; он недоумевает и негодует от нескладицы и воровства, царящего совсем рядом, за проходной, и тогда он тускл и невзрачен обликом, как старое серебро (ибо всё изнашивается), но когда награждает высшим орденом очередного болтуна-либерала (тайного взяточника и лицемера), глаза его вспыхивают удивительным голубым огнём; иногда Путин с поклоном и восхищением вспоминает великого русского философа-националиста Ивана Ильина, но, опомнившись от наваждения, тут же остерегает ошеломленную паству: де, упаси Господи видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный.

Но я ни разу не видел президента с русской книгой в руках, или в кругу русских писателей за откровенной беседой. Лишь гнетущее молчание, словно черт застыл за плечом, и ни одного доброго слова, знака сердечного внимания и помощи. И ни разу не видел в погибающей Тверской иль Рязанской, Вологодской иль Архангельской глубинке, в бессловесной умирающей деревнюшке (а их многие десятки тысяч), откуда явился на свет великий русский народ, где нынче последний житель прозябает земные сроки в запустении и нищете на поросшей чертополохом когда-то славной земле.

Путин вышел на Русь неожиданно, как партизан, из неведомых европейских "болот", где столетиями скапливалась всякая чешуйчатая чертовщина. Распахнул дверь русского Дома, воскликнул: "Вот и я, которого вы заждались!" и застыл на пороге, не решаясь вступить в народную неспокойную стихию. А может упрямо тянут в морок за подол чертовы силы? Притягливый, но вместе с тем отталкивающий, пугающий, неожиданный по манере письма образ разведчика и устроителя будущего, которого, увы, и сам не представляет, – и потому столько смуты, столько неразберихи, шума и гряка столпившихся вокруг автопортрета зрителей в мастерской Владимира Путина.

А.Ш.: *Распространено мнение, что через судьбу Путина Бог являет свою силу: чудесное превращение человека из Савла в Павла во времена утраты всяких надежд в возрождение нашей родины и всеобщего позора?*

В.Л.: Этот случай действительно из области чудес; вроде бы совсем был проглочен человек левиафаном и выбрался наружу. Хочется верить, что Бог услышал нас… Но ведь порою слона побеждает обыкновенная мыша, подгрызая великану пятки.

А.Ш.: *Но я хочу спросить о другом. В чем сегодня для вас сохранение русскости, без которой никакой России (империи, царства, федерации, конфедерации) не будет?*

В.Л.: Главная беда в государстве, что по-прежнему отрицаются "либеральной клоакой" полнота русской истории и идеология, якобы пожирающая права человека, его верховенство над Богом, когда Господь лишь неотчетливое приложение к прихотям. "Хотя и без Него нынче вроде бы нельзя, неприлично как-то"… Нет идеи развития, целеполагания, направления и пути движения, единящей задачи, маячного огня, а без цели живёт (существует, прожигая время) лишь совершенно опустившийся или внутренне потерянный человек. Точно так же и с народом, обществом. Не надо никого догонять и перегонять, но идти вперёд ровной ступью, иначе скоро надорвёшься, сорвёшь пуп, никакая бабка не выправит. Однажды Никита Хрущёв попытался догнать и перегнать Америку по молоку и мясу. И где теперь Союз? Надо ставить религиозно-нравственную цель, духовную, а не плотскую. А нынче живём набором мифологем, противоречивых, часто бездумных, но легко внушаемых народу, по которым и правим путь от одной болотной кочки до другой. Пока летим, с ужасом думаем: выберемся на твёрдое, иль затянет в трясину с головою. Потому и владеет "элитой" клиповое сознание, этакое лоскутное одеяло воображения, в прорехи которого легко проникает чужой разрушительный замысел, который сразу не уловить; нужно время, чтобы почувствовать его скрытые каверзы и организовать сопротивление. Многие из чиновного братства, отслужив половину жизни при большевиках, не могут распрощаться с прежним укладом и, приноравливая психику к новому быту, невольно путают черное с белым, ложь с правдой, а национализм с фашизмом и шовинизмом. Видят в предке что-то вроде пещерной гориллы с дубиною. Эта раздерганность сознания, шаткость души, равнодушие сердца помогают чиновной "элите" выживать, приспосабливаться, но с другой стороны незаметно уводят от Бога к дьяволу. (Вся Европа уже незаметно для себя качнулась от Христа к дьяволу, что и знаменует последние времена. Исламисты не хотят подпасть под власть шайтана, и потому главным злом становится европеец.) И вот в помощь на Руси Путин предложил новую-старую мифологему, позаимствовав её у СССР: "В здоровом теле – здоровый дух". На этом понятии погиб в разврате древний Рим, рухнула Византия, угодила под турка Греция. Этот принцип в тридцатые годы минувшего века присвоила советская империя, отряхнув с лозунга вместе с Богом пыль забвения. Как помнится, в домах культуры и школах висели плакаты за подписью Климента Ворошилова. Но стоит знать, что по народным представлениям плоть – это вран и нечистая свинья, а душа – белый голубь. Ибо плоть живёт удовольствиями, одним днём, а душа – вечностью и страстями, и потому хотя и умещаются в одной телесной оболочке, созданной Господом в седьмой день творения, но меж ними не замирает постоянный конфликт, и участь при конце бытия совершенно разная: плоть уходит в землю, а верующая душа взмывает в небо.

Вот и нынче, исполняя мифологему: "В здоровом теле – здоровый дух", невольно подпадаем под ростовщика, печёмся о теле, гордимся мышцами, президент обнимается с борцами, кочует с гор на воды, и в это время закрывают библиотеки и деревенские школы, дома культуры, клубы, книжные магазины, писателя, как личность исповедующую первичность духа, придавили торгашеским прессом, пропустили через молотилку, испытывая на нищету; власти с некоторым злорадством нетерпеливо ждут, когда русский писатель под гнётом процентщика превратится в камбалку и наконец-то испустит дух, чтобы своим духовным уроком не устыжал энергичного "погонялу" с мячом, хоккеиста с клюшкой и бойца с железным кулаком, долбящим у противника последние извилины. Нет, братцы, когда молотят кулаки, там душа "малинового пиджака" и коллектора, выбивающего долги и зубы, не вскрикнет. Какого бы чиновного ни спроси нынче (хотя бы видом самого-то русачка), дескать, что читаешь, милейший? И услышишь в ответ: "Читать некогда… Совсем времени нет. Забыл, когда книгу в руки брал". Но стоит помнить: если добрых русских книг не читает человек, он умер ещё при жизни. А нынче книга – товар. Скоро станут товаром совесть, честь, справедливость и правда. Любовь-то уже давно перешла из высокого чувства в прибыльный товар и занимает третье место по доходности после наркотиков. Но предки наши поклонялись книге. "Книги – это реки напояющие вселенную!" – говорили они. Чувствуете разницу!? И чтили отечество с придыханием, сердечным восторгом. "О, красно украшенная земля наша!" – восклицали они.

Задача мыслителей обосновать отличие русского народа от прочих, его безусловное величие, его "душу неизъяснимую". Со времён славянофилов подступаемся к русскому вопросу и отпрядываем, боясь обжечься: иль ложка велика, иль рот мал.

Надо для духовного взросления и широты национального взгляда окунуться в далёкое детство своего племени, преодолеть давление "чужебесов", смыть с историчекого лица их ядовитую отрыжку, установить и признать примерные границы русского народа в начале его обитания на земле, которые упорно русофобы обгрызают и обрезают, как подпольные мыши, со всех углов, собираясь довести его границы до московского княжества. И не хотят знать того, что ещё в третьем тысячелетии до нашей эры было великое славяно-русское королевство от южного Средиземноморья до Карского моря со столицей в Ростове Великом, что этот невзрачный (нынче) старинный северный городишко старше Рима на две тысячи лет, славный родитель наш. А Великий Новгород возник за тысячу лет до рождества Христова, и Киева в те времена и в помине не было. Чтобы размышлять о русском племени, надо знать не только его историю, географию, быт, обряды, этику и эстетику, его движение в пространстве и во времени, почему он подался на Севера, к Китаю, до Тихого океана и далее, до Америк, что влекло его в Индию задолго до Британии, его неистребимую страсть к пути по мистическому зову, странное уведомление с небес о его предназначении; он велик не только потому, что обжил великие пространства, которые стали его крепостью и судьбою, но и сохранил сотни племён. Разве мог бы "лютый ненавистник-националист" (по определению Дмитрия Лихачёва – "совести России") пестовать братьев меньших, заботиться о них, порой презирая своё благополучие, обживать суровые земли, заступаться за других, жертвуя жизнью, прощать и миловать, лишенный мстительности, коварства, злорадства, кабальности отношений и чувства превосходства. Воистину Божий народ с великой, неисследимой биографией, которую всё время ненавистники и завистники России пытаются утаить и перелицевать. Информационная война против русской истории длится уже более тысячи лет. К сожалению, фомы-неверы оккупировали наше прошлое, как хлебное место, поливая уксусом скепсиса, и, конечно, ничего доброго не вырастет, пока народную толщу не удобрит родящее национальное чувство. Надо вернуться к себе, понять самих себя, прежнее ощущение русскости, душою услышать признание Александра Суворова: "Быть русским – какой восторг!". А для начала хотя бы вернуть в паспорт национальность. Без названия человек обезличен, он незаметно утрачивает лицо и общность, племя невольно рассыпается, теряет соединительную внутренннюю ткань. Этого-то и добиваются "коварники", оплодившиеся в России, но не признающие её за отечество.

Ведь ещё в середине восемнадцатого века гениальный Ломоносов уведомил Россию, что легендарная Троя, засыпанная пеплом забвения, воспетая Гомером, – это крепость скифов-русов. Ему сразу в ответ: чур-чур, сказки, блажь, такого просто не может быть! Ха-ха, русская крепость у Средиземного моря. Ломоносов написал уникальный труд по истории русского народа, который была переиздан только через двести лет, и ни звука о книге, ни одна историческая животинка не пискнула в благодарность за изыскания; и великая работа снова погрузилась в нети. Ну как же, разве можно тревожить великих белокурых, голубоглазых эллинов, приписанных в истории к владениям греков. А вся прочая срединная Русь к поместью угро-финнов. Но, однако, насколько прозорлив был великий помор. Это вам не "совесть нации" Лихачёв, считавший, что "национализм – это ненависть к другим народам". И кто он, этот ставленник на Должность главного "совестника", перед великим помором? – просто скользкий налим из угодий Собчака-Ельцина… Через сто лет после открытия Ломоносова археолог Шлиман отправился в сказочное место, раскопал легендарный выселок и обнаружил золото скифов-русов-ариев, артефакты, которые удивительным образом сошлись рисунком с древним, но и поныне живущим творчеством русских поморов. Интеллигенты любят скидываться на беспамятство русского народа, дескать, беспечен и остыл сердцем к своему прошлому, погряз взглядом в земле. Да, он, русский мужик, веками жил с согбенной выей, ему не было времени бездельно скитаться взглядом по небесному аеру, сосчитывая звезды, ибо надо "со своих ногтей" добывать хлеб насущный и кормить тех работников пера, чей истинный промысел состоит в вышелушивании смыслов из древних книг и рукописей. Вот их-то душа, этих архивистов, книжных червей, и должна быть особенно заражена любовью к отечеству и изумлением перед великим прошлым. Но увы… эта остылость зачурованного чужебесого сердца и пугает, а умысленное искажение фактов заставляют вздрагивать, какую ещё каверзу подбросят России "хлебоядцы-культурники" с удивительным косоглазием и фасеточным зрением. Надо думать, очнется русский народ от опойного сна, протрёт глаза и, обведя взглядом зачумленные русские пространства, воскликнет: "Господи, дай силы в трудах". В своё время, когда латиняне, щелкая зубами, наползали на Русь, стремясь пожрать её, римский папа, заманивая "медведя" под свою руку, писал государю Ивану Грозному, дескать, вступи в унию и получишь во владение Византию. На что Иван Васильевич, великий русский царь, ответил: "Нам и своей земли достаточно".

Редко нынче упоминается стихотворение дипломата и выдающегося поэта Фёдора Тютчева "Русская география":

Москва и град Петров и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы.
Но где предел ему? И где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временем судьбы их отличат.
Семь внутренних морей и семь великих рек.
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная…
Вот царство русское… и не пройдет вовек,
Как то предвидел Дух и Даниил предрек.

Нынешним робким специалистам по русской истории, лютым ненавистникам русского национализма, стоит в своих современных изысканиях решиться наконец-то и взять за основу трудов мысли Фёдора Тютчева, который не побоялся отодвинуть исторические границы русского племени куда как далеко от времен христианизации и от днепровской кручи, где пытаются и доныне утопить в водах реки пласт истории на многие тысячи лет, величие и могущество великого русского государства со столицей в Ростове Великом.

И верно, что чужого нам не надо; как бы осилить свои земли, попущенные Господом, не осиротить, не кинуть без пригляда на прожор и разор хищному пауку-процентщику. А былую историю сохранить в назидание и восхищение любопытным потомкам для воспитания русского чувства.

А.Ш.: *Вот такая получилась беседа с Владимиром Владимировичем… Однако, чтобы действительно узнать, "что под шапкой у писателя Личутина", нужно продолжить издание полного собрания его сочинений, которое сейчас замерло на II томе... А для этого – придётся как встарь пустить "шапку" по кругу, организовать всенародный сбор.*

Акция Союза писателей России "Шапка по кругу"

Владимир Личутин – писатель известный, его романы и повести изданы тиражом более двадцати миллионов экз. Владимир Личутин – лауреат Государственной Премии, премии им. Льва Толстого "Ясная Поляна" в номинации "Современная классика", Большой премии им. И.А. Бунина, им. Антона Дельвига (Золотой Дельвиг) "За верность Слову и Отечеству", им. Александра Невского "России верные сыны", им. Василия Белова "Всё впереди", Большой литературной премии СП РСФСР, премии СП России, международной премии Москва-Пенне и других. Казалось бы, давно пора издать собрание сочинений Владимира Личутина, но государство, под либеральным флагом вступившее на тропу ростовщичества и ссудного процента, вытеснило русскую литературу на задворки культуры, а русских писателей обрекло на нищенское существование, лишив всяческих прав, тайно мечтая отобрать саму возможность заниматься литературным трудом. И любители творчества Владимира Личутина, утратив надежды на государство, решили сами выпустить "Собрание сочинений в 12 томах" по принципу православного русского мира "Шапка по кругу". В минувшем году в издательстве "Вече" вышел первый том "Фармазон", куда вошли одноименный роман и повести "Вдова Нюра", "Крылатая Серафима", опубликованные миллионными тиражами ещё в девяностых годах прошлого века. Подготовлен и скоро увидит свет второй том: исторический роман "Скитальцы" (в двух книгах). Все поклонники творчества Владимира Личутина, меценаты и благотворители могут включиться в Русский Проект.

Счёт получателя:
40817810038186218447,
Московский банк Сбербанка России г. Москва,
ИНН 7707083893, БИК 044525225,
К/с 30101810400000000225, КПБ 38903801645.
Адрес подразделения Банка:
г.Москва, ул. Лукинская, 1.м